

Эта книга — моим родителям, которые показали мне силу мечты, и моим детям, Онор и Хоуп, которые дали мне даже больше, чем я когда-либо мог мечтать.

Грэм

Нашим фанатам — за то, что участвуют во всём и всегда поддерживают меня.

Шотландии и её народу — за то, что всегда доброжелательны и прогрессивны. Надеюсь, что мы всегда сможем принимать гостей, отправившихся на исследование гор, долин... и мошки.

Шотландия постоянно вдохновляла меня и наполняла моё сердце.

Сэм

МАРШРУТ «ЗЕМЛИ КЛАНОВ»

Предисловие

Что ж... В начале был человек в килте.

Я всегда полагала, что если есть что-то, что вы хотели бы сделать, вам следует начать — и если это дело правильное, вселенная так или иначе пойдёт вам навстречу. Так, я начала писать роман о человеке в килте, а вселенная подарила мне сериал.

С тех пор, как я написала «Чужестранку», косвенным образом я оказалась ответственной за множество странных вещей, например:

- пять (на данный момент) сезонов популярного телесериала;
- имена дюжин чистопородных собак, гоночных лошадей и жилых комплексов;
- тысячи детей, названных Брианна или Джейми (и, насколько мне известно, никто так и не назвал ребёнка именем Мурта, что очень загадочно);
- чай лорда Джона Грея;
- музыкальные композиции симфонических групп;
- мюзикл;
- фабрику по производству шерстяных тканей в Шотландии, специализирующуюся на тартанах;
- превосходную пару кулинарных книг;
- три миллиона вязаных капюшенов;
- дюжины женщин-фанаток, которые приспускают штаны во время автограф-сессий, чтобы показать мне свои татуировки *Da mi basia mille*, сделанные чуть пониже копчика (как заметил мой муж: «Ну сколько людей смогут сказать "Поцелуй меня в зад" на классической латыни?»);
- 72%-ный подъём туризма в Шотландии (как любезно сообщили мне Visit Scotland);
- и превосходный виски под названием Sassenach.

Но эта книга, наверное, — одна из самых странных таких вещей, и определённо — лучшая!

Я глубоко польщена тем, что Сэм и Грэм попросили меня написать предисловие к одной из самых интересных, необычных (это ещё мягко сказано...) и умопомрачительно забавных книг, которые я прочитала за многие годы. Я не вполне уверена в том, как её следует называть, но привыкла, что не могу описать содержание собственных книг в двадцати пяти и менее словах, так что, вероятно, это вовсе не проблема.

Для начала, это книга приятелей. Два хороших друга шутят (и препираются) на своём пути по Шотландскому нагорью, рискуя жизнью и потерей конечностей в той небрежной манере, что и делает мужчин привлекательными. Почему? Ну, потому что они оба шотландцы и оба были важной частью «Чужестранки» (не только телесериала, но и всего этого необычного феномена), и осознали, что они шотландцы (ношение килта каждый день в течение двух лет весьма тому способствует), и хотят выяснить, откуда же берёт начало их наследие и что такое на самом деле — быть шотландцем (помимо того, что это означает любовь к виски с рождения).

А ещё это книга о дороге (представьте себе Джека Керуака, но с меньшим количеством наркотиков, большим объёмом текста и без секса. Ну, почти без секса...)

Наши двое друзей на самом деле создают телешоу о нескольких исторических местностях в Нагорье. В сопровождении небольшой съёмочной команды — включая талантливого гримёра и оператора беспилотника — они посещают захватывающие исторические локации в Шотландском нагорье, чтобы узнать о настоящей истории некоторых из самых известных расправ, сражений, предательств, казней и прочих типично шотландских культурно-оздоровительных мероприятий. Это история об их приключении, совершённом на древнем фургончике «Фиат», на велосипедетандеме, на каяке и множестве других весьма неожиданных видах транспорта, которые приходят на ум только людям, страдающим от переизбытка тестостерона.

А по пути они разговаривают. Не только друг с другом, но ещё и сами с собой. В некоторых моментах эта

книга словно мемуары близнецов. Каждый из них вспоминает свою жизнь актёра — по отдельным кусочкам — потому что каждый актёр (и каждый писатель) во многом приукрашивает её со временем. А это означает, что многие из этих историй для самих участников становятся забавными только спустя 20 лет — но просто бесконечно забавны для зрителей.

Эти воспоминания включают немало рассказов и со съёмочной площадки «Чужестранки». Сама я бываю там лишь урывками, но помню день из второго сезона, когда лошадь Сэма — на которую он как раз собирался садиться — решила последовать совету своей матушки сходить перед выездом на дорожку (вот поэтому большинство костюмов и шьётся в нескольких экземплярах). А в другом случае того же второго сезона Грэму нужно было «ехать верхом» на механической лошади (как сказал мне режиссёр — выглядит отстойно, но в сериале на самом деле вы этого не заметите).

Эта механическая лошадь была закреплена на крыше одной машины — а за нею следовала другая, с камерой. И предполагалось, что Грэм должен вскочить в седло механической лошади прямо на ходу (как будто бы перекакивая с другой лошади). Как и всегда на телевидении, эту сцену снимали множество раз, чтобы удостовериться, что получили достаточно материала для того эффекта, которого хотели достичь. Когда в итоге съёмки были завершены, Грэм поплёлся вниз по склону с дороги, где они работали, остановился рядом со мной и Анной Кенни (прекрасным сценаристом другой серии того же блока) и сказал: «Я только что поговорил со своими яйцами. Они сообщили: «мы и впрямь против того, чтобы ты сделал это *ещё хоть раз*»... — и продолжил плестись дальше, чертыхаясь вполголоса: «...Вот знал же утром, — надо было поддеть что помягче...»

И наконец, это собственно история «земли кланов», вплетённая в этот рассказ о поездке. Путешественники навещают самые интересные/известные/важные места в Нагорье, где они на самом деле узнают, в чём состоит их культура и наследие — при помощи весьма колоритных жителей этих мест.

Итак, вы в буквальном смысле получаете сразу четыре книги в одной! (отличная сделка...)

Но самая важная часть этой книги — дружба между её авторами, которая украшает и освещает каждую страницу.

Само повествование для меня было как захватывающим, так и весьма увлекательным, но также я была весьма тронута лично. Один из самых неожиданных аспектов всего феномена «Чужестранки» — это просто невероятная способность буквально притягивать людей друг к другу. Они читают книги и смотрят сериал — и хотят это обсудить. И они создают фан-группы, и книжные клубы, и форумы на Фейсбуке, и обретают глубокую и долговечную дружбу, — и всё это основывается на взаимной любви к этой истории.

Я навсегда запомнила одну женщину, которая принесла мне книгу для автографа. Она рассказала мне, что жила одна, редко выходила из дома, и у неё не было семьи — но её увлекли эти книги, она нашла других людей, кто чувствовал себя сходным образом, — и они пригласили её на автограф-сессии, премьеры и встречи с актёрами. «Теперь у меня есть друзья!» — сказала она. Она плакала — и я вместе с нею.

Надеюсь, что вы ощутите это чувство дружбы на страницах книги.

И в заключение — раз уж эта книга целиком о возвращении к истокам...

Несколько лет тому назад один из моих романов выиграл премию (Corine International Prize for Fiction), и меня пригласили в Германию для вручения награды. Это было весьма значимым событием для немецкого издательства, поэтому они извлекли все возможные плюсы из моего присутствия и провели целую серию интервью — со всеми представителями прессы, какими только возможно: газеты, журналы, радио, телевидение, литературные журналы, ну и так далее. К концу недели у меня был недосып и слегка остекленевший взгляд, — и тогда я встретила одного очень милого джентльмена из литературного журнала.

Восхитительный человек — он написал великолепные (и весьма лестные) пространственные отзывы книгам.

И динамика моего повествования-то ему нравилась, и персонажи-то мои были грандиозными, и воображение-то моё не знало границ!

И вот, я сидела там перед ним в приятной полудрёме, думая: «Ага, да-да, продолжайте...» — когда внезапно он спросил: «Единственное, что мне любопытно: что же такого привлекательного в мужчине в килте?»

Что ж — будь я полностью в сознании, *быть может*, я бы такое и не сказала (хотя, опять-таки...). Как бы то ни было, я посмотрела на него буквально мгновение и выдала: «Ну... полагаю, суть в том, что так вас в любую секунду могут прижать к стене».

(Кхе-кхе!)

Несколькими неделями позже, уже вернувшись домой в Аризону, я получила пачку вырезок из интервью от немецкого издательства, и первым лежал выпуск того самого журнала. Издатель прикрепил к нему заметку со словами: «Не знаю, что вы ему сказали, но думаю, он в вас влюбился!»

Человек в килте. Невероятно сильный и притягательный образ, да...

А теперь у вас их *двое*...

Налейте себе щедрюю порцию виски, откройте книгу и наслаждайтесь!

Slàinte Mhath!

Диана Гэблдон

Скоттсдейл, Аризона, август 2020

ГЛАВА 1

Отправляемся в путь

История о двух людях, которые не знают ничего.

Сэм и Грэм

Опасное это дело, Грэм, выходить за порог: стоит ступить на дорогу и, если дашь волю ногам, неизвестно, куда тебя занесёт.

Сэм Хьюэн от имени Р.Р. Толкиена, «Властелин колец»

Место действия: Фургончик. Парковка. Долина Гленко. Шотландское нагорье. День (сентябрь 2019)

ГРЭМ

Как только я пристегнул ремень на пассажирском сиденье автофургона «Фиат», в мой желудок стало прокрадываться всё усиливающееся чувство ужаса — я никогда до этого не ездил в автомобиле, который вёл Сэм. Никогда. Мы все знаем о своих способностях. Я вот очень хороший водитель. У меня быстрый автомобиль, проходящий «кризис среднего возраста»; как бы то ни было,

до предельно возможной скорости я на нём не разгоняюсь (ну хорошо, было дело *пафу раз...*) и за 40 лет ни разу не попадал в аварию. На счету Сэма же, напротив, числится длииинный список столкновений и царапин.

Вот когда в Лос-Анджелесе он ухитрился захлопнуть ключи в багажнике, въехать в столб, сдавая назад на «Форде Мустанг» (столб, конечно же, как из-под земли выскочил), и процарапать новёхонький электромобиль вдоль всей пассажирской стороны, то, согласно преданию, вина за всё это лежала на Городе ангелов, ведь «столб расположили неудачно».

Я гляжу на его мальчишескую ухмылку, когда он дёргает рычаг переключения скоростей и едва сдерживается, чтобы не прыснуть со смеху, и осознаю, что этот человек способен *на всё*. Быть может, он съедет с обрыва, только чтобы посмотреть, на что это похоже. А быть может, выпрыгнет из машины на полном ходу, оставив меня бороться за руль, вышедший из-под управления. Все эти мысли кружатся хороводом в моём похмельном мозгу, когда Сэм переключает передачу на задний ход.

Ккк-чхи-вишии-фрррр-кккк-чхи!

Полагаю, он пытается выжать сцепление, но скрежет из коробки передач говорит мне об обратном. Он ещё некоторое время мучает рычаг, глядя на меня с улыбкой психопата, и именно в этот момент и рождается «Земля кланов» — без плана и без сценария, просто мы двое как есть: один, что притворяется крутым парнем, собрался в поездку с другим — *абсолютным маньяком* — за рулём.

Со всей определённостью я знаю, что Сэм намеревается отыскать ещё несколько новых и ужасных способов рисковать моей жизнью.

Сэм. А что, если я...

И тут он этак ненавязчиво выдаёт, что не водил машину с ручной коробкой передач уже лет пять или шесть — и вообще никогда не водил автомобиль таких размеров, как наш фургон. Великолепно.

Сэм. Что-то я вообще не знаю, на какую педаль нажимать?

Грэм. ...шутить, что ли?!

Сэм. Да нет... Тут же газ-тормоз-сцепление?

Грэм. Да, тут газ, тормоз и сцепление. В каком порядке, знаешь?

Сэм. ...ну... слева направо...

Грэм. Нет. Справа налево. Газ, тормоз, сцепление.

На современном жаргоне водителей это означает ещё и Предпосылка-Поведение-Последствие, но этот человек считает, будто он сможет выкрутиться, если притворится грамотным водителем, а последствия — это просто захватывающие события, которые ещё не произошли.

СЭМ

Сэм. Грэм, ты как там, в порядке?

Если бы у него был саквояж, МакТавиш прижал бы его сейчас к себе покрепче, а ведь мы ещё даже с парковки не выехали. Ну да, пару раз я поскрипел рычагом переключения передач, но в свою защиту могу сказать, что не водил машину с ручной коробкой уже много лет, быть может, пять или шесть... а машину таких размеров, как эта — и вообще никогда не водил, но этого я Грэму рассказывать не собираюсь... пока. В конце концов я нахожу заднюю передачу, делаю вдох и сдаю назад на полной скорости.

Грэм. *Иисусе!*

Раз Грэм вцепляется в поручень, скорчившись на своём сиденье, меня накрывает волна адреналина — это должно быть весело, даже если мы и не сумеем выбраться с парковки. Одно уже зрелище того, как он ойкает и взвизгивает, само по себе доставляет невероятное удовольствие. Он бросает на меня испепеляющий взгляд, пока я заламываю рычаг, включая первую передачу, и мы начинаем набирать скорость, дюйм за дюймом теряя из виду отель «Кингсхауз».

«Ну, вот мы и едем! — говорю я с необычайным чувством уверенности. — Земля кланов — история о двух людях, которые...»

«...не знают ничего!» — завершает Грэм.

И он прав. Мы отправляемся в это путешествие вместе, чтобы открыть, что такое — настоящая Шотландия, что значит быть шотландцем, но у нас есть лишь самый приблизительный план. Мы знаем, что хотели бы разузнать побольше о шести основных кланах горцев и встретить как можно больше интересных людей, начиная от

вождей кланов (которые по-прежнему препируются друг с другом) и заканчивая музыкантами, историками, поварами (Грэма же нужно кормить), и, конечно, мастеров производства виски (ну а почему бы и нет?).

Но поскольку у нас была всего неделя на подготовку и сборы, это путешествие будет наполнено приключениями и подпитано виски, адреналином и кофе.

Ккк-чхи-вишии-фрррр-кккк-чхи!

Грэм. Это вторая, а не четвёртая передача!

ГРЭМ

Мы начинаем свой путь в несомненном сердце всего Нагорья — долине Гленко — крутосклонной горной долине (*глен* — и есть долина), сформировавшейся во время оледенения, по которой протекает река Ко. Эта часть Шотландии мне хорошо известна, поскольку я много раз посещал её и бывал тут на выходных, а ещё это место резни в Гленко 1692 года, которая привлекла мой интерес к шотландской истории более 20 лет назад.

Что ж, если точнее, — в 1992 году.

Я был в самом соку, мне был 31 год. Для меня стала шоком мысль о том, что Сэм, возможно, тогда только собирался пойти в среднюю школу, и, наверное, ещё носил короткие штанишки? Быть может, даже писался в постель? Мне нужно некоторое время, чтобы пережить это болезненное осознание.

Я служил в Фестивальном театре в городе Питлохри, участвуя в сезоне, и был погружён в Нагорье на девять месяцев работы на театральных подмостках — по шесть разных постановок в неделю. Это было просто невероятно. Нагорье всегда изумляло меня, и я чувствовал глубокую связь с этим местом. Мой отец не мог дождаться, чтобы уехать из Шотландии. Он родился и вырос в Глазго, но, будучи лётчиком, много путешествовал по всему миру. Когда бы ему ни случалось пролетать над Шотландией, он всё время говорил, что там было облачно. Так что, чем бы ни был вызван мой интерес к Нагорью и его истории, он происходил откуда-то «изнутри», словно некая «память народа», — знание, которое отражает опыт, пережитый группой людей или «племенем», — быть может, сотни лет тому назад.

Будучи в Питлохри, я оказался заворожён небезызвестной историей резни в Гленко, а ещё я заранее провёл всесторонние поиски в Британской библиотеке. Мой план состоял в том, чтобы написать что-нибудь к 300-летию событий в Гленко, так что я сочинил обращение под названием *Clanlands* и пытался заинтересовать людей в создании телепередачи с моим участием. Но для 31-летнего театрального актёра это было невыполнимо.

Годы спустя я невероятно много раз говорил Сэму о своей любви к шотландской истории на съёмочной площадке «Чужестранки», поскольку одним из качеств, которые мне в нём сразу пришлись по душе, был его энтузиазм по отношению ко множеству вещей. Сэм любит включаться в дело сходу, но как же мало я знал о том, что мы встретимся с ним позже, шесть лет спустя, и поедем на велосипеде-тандеме (Сэм позади меня) по Аргайлу... Впрочем, тут я забегаю вперёд...

В марте 2019 я стоял на своей кухне в Новой Зеландии, когда мне позвонил Сэм. Он знал, что я раздумываю над созданием документального фильма о шотландской истории, и поинтересовался, можем ли мы сделать вместе что-то наподобие подкаста. В воображении сразу возникла притягательная картинка, как мы с ним сидим и шутим за виски в пабе. Как бы то ни было, спустя непродолжительное время идея о подкасте сподвигла нас на планы по использованию видеокамер GoPro, чтобы снимать самих себя, пока мы бы прогуливались и разговаривали.

«Великолепно», — подумал я, хотя и понятия не имел о том, как на самом деле это будет работать. Мои знания о технологиях и в лучшие времена были весьма посредственными, так что я воображал, как Сэм записывал бы великолепные кадры с моим участием, в то время как сам я так и не смог бы отыскать кнопку «play» на моей видеокамере.

А потом Сэм предложил использовать настоящую телекамеру и настоящих людей, которые на самом деле знали бы, что делают. Окей — планы расширялись! Мы решили проложить наш путь по истории Шотландии через кланы, рассказывая об одном клане за серию. У меня уже были «любимчики», которых я выбрал на основании сво-

ей лёгкой одержимости темой вражды. Есть пословица: «Шотландия родилась в битве», — и вражда — как раз то, что шотландские кланы превратили в искусство. У венецианцев есть стекло, у персов — их ковры, а у шотландцев — вражда. Я отправил Сэму свои предложения, и мы решили рассказать о тех кланах, которые сможем посетить, исходя из географии и доступности, поскольку у нас были до нелепого сжатые сроки работ, без запаса на непогоду в шотландском сентябре (глупцы!), у нас не было сценария, не было толком подготовки, — просто идея в стиле «вскочить с места и начать снимать».

Одна видеокамера превратилась в две, а затем и в три... и ещё беспилотник.

И после обсуждения всевозможных самолётов, поездов и автомобилей, я — из Новой Зеландии, а Сэм — со съёмочной площадки «Чужестранки», — в итоге мы прибыли в отель Кингсхауз на южной окраине горного хребта Гленко, чтобы повстречаться с Мишель (она стала нашим замечательным продюсером) и остальной командой «Земли кланов».

СЭМ

Позвольте мне представить вас нашей команде. У нас есть:

Мишель Метвен — наш исполнительный продюсер и самый трудолюбивый работник в Шотландии, и у неё замечательная коллекция резиновых сапог. Она — гуру расписаний, эксперт по вождению внедорожников, и вы непременно пожелаете заполучить её в свою команду, потому что она умеет всё.

Алекс Норузи — продюсер и режиссёр, который был девственником в отношении виски до тех пор, пока я не повстречался с ним. Творческий гений с забавным акцентом.

Джон Дункан — оператор и гениальный пользователь беспилотников.

Джонни Льюис — второй помощник оператора. Энтузиаст с шикарными волосами.

Тим Аскью — третий помощник оператора во время наших последних выходных. Заснял огромное число моментов, которые были впоследствии вырезаны, и «закад-

ров» (вырезанные кадры, чертополохи крупным планом, горы и сердитая борода Грэма) — и я отрицаю, что часть из этого вообще произошла!

Мерлин Боннинг — волшебник звука, который путешествовал на задворках нашего фургончика «Фиат».

Венди Кемп Форбс — гримёр/парикмахер/начальник полиции нравов. Невероятно смешливая и с огромным сердцем. Особое внимание уделяла лысой голове Грэма. [*Грэм. Мне требовалось 5 минут на весь грим, а Сэм еле-еле вылезал из гримёрки! Постоянно прихорашивался, как кое-кто из фильма «Победители шоу».*] [*Сэм. Грэм, это потому что у меня есть волосы.*]

Лора Стронг и Линзи Томпсон — команда стилистов, которые расположились в лагере в Глен-Этив.

Дэйви «Голливуд» Стюарт — мой водитель из «Чужестранки», который возит меня уже 6 лет и берёт управление на себя, где бы мы ни оказывались слишком пьяными, чтобы садиться за руль самим. То есть в большинстве дней. [*Грэм. Слава богу, что он это делал!*]

Пол/Стюарт/Дэниэл — личные водители и разнорабочие с занятостью на полный день. Делают кофе, разливают виски, держат осветители и пополняют Грэмовы запасы перекусов и латте.

Питер Сэндграунд — наш фотограф, который ухитряется снять невероятные кадры в считанные секунды и разделить мой энтузиазм по помещению Грэма в непростые ситуации. [*Грэм. Заметка на полях: всыпать Питеру Сэндграунду по первое число, чтоб на всю жизнь запомнил!*]

Мишель просто машина — из тех основательных работников, кто непосредственно принимает участие во всех делах. Думаю, все мы оказались в этом проекте и прекрасно поладили потому, что никто не искал там привилегий и заманчивых наживок, что сулит слава (кроме, быть может, Грэма с его неумеренной тягой к хорошему вину, классной еде и шикарным отелям). Мишель выделяется не только своей эмоциональной вовлечённостью в работу, но и тем, что всегда поддерживает жизнерадостное настроение, даже когда имеет дело с насквозь промокшей парой актёров и командой, которая голодна, мается похмельем и лёгким недосыпом. Она думает обо всём.

Впервые я встретил Мишель несколько лет тому назад во время съёмок рекламного ролика. Она сидела за рулём старого ржавого лэнд-ровера и была одета в пару классически-зелёных барбуровских резиновых сапожек и потрёпанный дождевик. Она посигналила мне и сказала садиться в машину. «Порулить хочешь?» — спросила она, видя, что у меня руки чешутся попробовать себя в управлении внедорожником. Это было совершенно нетипично, но она знала, что у меня всё получится, когда я запрыгнул на водительское сиденье и стал всматриваться вниз по крутому склону холма. «О боже!» — донёсся с заднего сиденья слабый вскрик гримёра Венди, которая закрыла глаза руками и истошно хихикала. «Всё будет в порядке», — сказала Мишель, никогда не поддающаяся панике и всегда с запасным планом наготове. Пока мы с грохотом неслись вниз по склону, я видел, как она старается придумать, что мы будем делать, если окажемся в кювете. Мы успешно спустились с кручи и вырулили на свободное место прямо перед изумлённой группой заказчиков рекламы. Я выпрыгнул с водительского сиденья и быстро спрятался за Венди, что было непростой задачей, ведь она на полфута ниже меня! Но до того, как начальство могло выразить своё недовольство, Мишель, как всегда готовая к действию, вышла со своей очаровательной улыбкой. «Кружечку чаю? Или слишком рано для горячего алкогольного коктейля со специями?». Начальство в костюмах расслабилось и согласилось, что для такого никогда не бывает слишком рано, и в тот момент я понял, что Мишель — та женщина, с которой вы *всегда* хотите быть на одной стороне.

А Венди — ещё одна изумительная участница нашей команды, без которой я бы не справился. В «Чужестранке» мы работаем вместе с самого начала, с 2013 года. Она умеет нанести весь мой грим в рекордно короткий срок: обычно у неё уходит от 45 минут до полутора часов на всю эту кровяницу, грязьницу, возрастную грим, парик и подготовку массовки для съёмок в этот день. И она ответственна не только за последовательность изображения моего персонажа Джейми Фрейзера — которого частенько бьют, — но также накладывает и «шрамы» на спину, когда я снимаюсь в сериале в сценах без рубашки. *[Грэм. Что происходит невероятно часто. Да он просто не может удержаться*

на себе свои чёртовы одёжки! Почти наверняка он и этот самый абзац сейчас пишет гольшом.] В самом начале на это требовалась трёхчасовая работа команды из трёх человек, но Венди довела технику до совершенства и теперь может нанести мне весь грим из «шрамов» за 90 минут. И пусть льёт дождь, на улице холодрыга и поздняя ночь, или нас окутывают тучи мошки, у Венди всегда находится для меня шутка и улыбка. На самом деле, мы с ней *очень много* смеёмся, и наша связь стала очень крепка.

А если вы вдруг не знаете, что такое «Чужестранка», то где вы вообще были?! Нет, это не то кино, что с Шоном Коннери в роли испанца и с французом в роли шотландского горца. Хотя в том фильме и замечательная музыка (Queen — «Who wants to live forever»), и есть сцена, где они обсуждают состав хаггиса, сидя на вёслах в лодке (звучит и впрямь как серия «Людей в килтах»).

«Чужестранка» — это сериал от Starz, удостоенный множества наград (его транслирует Amazon Prime в Великобритании и Starz в США), о медсестре из 1940-х, Клэр Бичем Рэндалл (её играет моя многострадальная и совершенно замечательная коллега Катрина Балф), которая переносится во времени в Шотландию XVIII столетия, за год до якобитского восстания 1745 года, и встречает там любовь всей своей жизни, которого я и играю. Полное имя моего персонажа — Джеймс Александр Малкольм Маккензи Фрейзер — попробуйте выговорить его 50 раз кряду перед группой хулиганствующих и изнемогающих от жары актёров в париках и с накладными бородами — и посмотрим, справитесь ли вы!

Мы с Катриной в этом захватывающем путешествии вот уже семь лет. Оба были совсем зелёными новичками, когда нас свело вместе, чтобы мы сыграли пару родственных душ, Джейми и Клэр. В Катрине я нашёл не только великодушную и отзывчивую коллегу, но и верного друга. Мы с Кэт как брат с сестрой — мы знаем, как работает каждый из нас. Работать вместе нам легко и приятно, и конечно, есть то, в чём мы не соглашаемся, но в итоге мы всегда поддерживаем друг друга. В контрактах к первому сезону я настоял на том, чтобы наша оплата была равной, и чтобы мы всегда были прописаны там вместе. Теперь, как у продюсе-

ров сериала, у нас прибавилось ответственности за остальную часть актёрского состава и рабочей команды, а также Диану и фанатов, чтобы всё получилось как надо. Мы доверяем друг другу, и я считаю её одним из самых близких моих друзей. На съёмочной площадке сложно удержаться от смеха, и мы много смеёмся — у нас обоих весьма ребяческое чувство юмора. Мы знаем слабости друг друга, и немало раз Кэт подставляла мне плечо или давала хороший совет. Мне так повезло разделить с ней этот опыт. И, полагаю, «химия» возникла тут сама собой.

Телесериал «Чужестранка» основан на серии книг, написанных двадцатью годами ранее сверхталантливой Дианой Гэблдон. Диану изначально вдохновил сериал «Доктор Кто»: в одной из его серий был мужчина в килте по имени Джейми, которого сыграл актёр Фрейзер Хайнс — он появляется в «Чужестранке» в роли сэра Флетчера Гордона, коменданта тюрьмы Вентворт. Будучи уникальным соединением исторических фактов, действия, романтики, духовности, мрака, медицинских познаний и юмора [*Грэм. И гораздо большего числа кадров задницы Сама крупным планом, чем того требует необходимость; лучше всего сериал можно описать как мягкое порно в тартане*] [*Сэм. Жестоко*], её работа нашла верных и ненасытных читателей. К счастью, фанаты приняли нас с распростёртыми объятиями, и мы рады представить им свою версию книг Дианы, и я рассматриваю себя как хранителя созданного ею персонажа, Джейми Фрейзера. Как бы то ни было, есть небольшая упёртая группа последователей книг, которые считают, что раз я на дюйм ниже Джейми, то представляю собой неподходящий вариант на роль «Короля мужчин».

Ну и ещё я не рыжий [*Грэм. Ну вообще-то почти*] и не девственник!

ГРЭМ

После небольшого частного обсуждения с Мишель и встречи с нашей командой, мы с Сэмом оба в восторге и слегка волнуемся в предвкушении того, сколько мест мы собираемся посетить и со сколькими людьми повстречаться в такие сжатые сроки, ведь это почти на грани допустимого законами физики. Так что нам жиз-

ненно важно быть свежими утром первого дня съёмок. Держа это в памяти, мы немного перекусили и пропустили на ночь по рюмашке в баре, и всё-то шло замечательно в этом мире, до тех пор, пока... не вошёл Дункан Лакруа (Мурта из «Чужестранки») собственной персоной, да ещё и со своим запойным дружком-«ирландцем», уже изрядно навеселе и настроенным на потасовку. А мы действительно просили Дункана — «Чужестранного» заместителя Оливера Рида¹ — поучаствовать в нашем приключении Clanlands — и он с охотой согласился. Но теперь я понимаю, что это могло быть роковой ошибкой...

Дело начинается с виски, затем переходит к вину, а после вновь к виски. Очень много виски — и к трём часам ночи я был заклеимён алкоголиком. Сэм тайком улизнул, изрядно навеселе, ещё в час — чёрт побери, а он помнит, когда пора отправляться спать! По моему опыту, чем сложнее задача предстоит завтра, тем позднее я ложусь. Не идеальный вариант, я знаю.

Будильник звонит громче обычного. Агрх! 7:00 утра. Я разлепляю веки и чувствую себя разбитым. Спустившись вниз к завтраку, я с изумлением обнаруживаю Дункана Лакруа во вполне вертикальном положении и на своих двоих — быть может, он и вовсе не ложился? Но при более близком рассмотрении оказывается, что он выглядит так, будто вот-вот отдаст концы, или как ещё не остывший труп, одетый в те же одежды, в которых его закапывали. Его ирландского дружка нигде не видать — вероятнее всего, тот в постели — может, живой, а может и нет.

Сэм пребывает в своём раздражающе жизнерадостном настроении, и энергия из него бьёт ключом, словно из какого-нибудь спрингер-спаниеля. Запихнув в себя завтрак из каши, яичницы с колбасой, беконом и овощами, тостов, джема и гарнира (ну хорошо, это я съел) мы с Сэмом в конце концов выезжаем в нашем доме на колёсах, мчась на третьей передаче по пути в Гленко — к тому месту, где Дункан якобы будет ловить нас на дороге. В его состоянии удержать руку с поднятым вверх пальцем было бы просто чудом. Сэм

¹ Оливер Рид — британский актёр, часто игравший маргиналов, создатель мужественных образов на экране. — *Прим. пер.*

заприметил его ещё издали. Он спрашивает меня, что нам делать. Я говорю, что не имею ни малейшего представления — это же *он* организовывал нашу поездку! Он на полной скорости мчит к Дункану. Я говорю: «Притормози». Он слушается, и мы оба испытываем полнейшее изумление при виде нашего приятеля Дункана посреди Нагорья.

Грэм. Мы его подберём.

Сэм. Не-а.

Я поднимаю стекло, закрываясь от лица Дункана — ожидающего, помятого и явно неслабо опохмелившегося — пока мы вновь набираем скорость, и Сэм изо всех сил старается сделать так, чтобы колёса нашего левиафана закрутились с пробуксовкой. Джон, наш оператор, предполагает, что мы говорим о Дункане в то время, как мы едем дальше, — быть может, ему неловко от того, что мы его бросили, — но я говорю, что гораздо забавнее, если мы вообще не будем об этом упоминать. Мы просто едем дальше, ни о чём не заботясь.

Дальше по дороге я вновь открываю окно, чувствуя себя нехорошо. Я выпил бочку кофе за завтраком, но кофеин уже выветривается. Сентябрьское солнце согревает моё лицо, и внезапно я начинаю замечать невероятные пейзажи, что окружают нас. Мы с Сэмом оба вытягиваем шеи вперёд, пытаюсь получше разглядеть всё через лобовое стекло, и жадно всматриваемся в такую чарующую и величественную, что заставляет сердце биться чаще, но на самом деле суровую и негостеприимную долину. В такой день, как сегодня, в шотландском пейзаже не слышен бой барабанов. Наслоения крови, вражды, романтики, мифов и страстей и сами по себе, словно камни этих скал, — огромные, древние и порой просто ошеломляющие.

Жизнь среди этих холмов тяжела. Скалы Нагорья настолько тверды, что создают водоупор. Предостережение от топографии! Дождевая вода собирается в долинах, не просачиваясь вглубь, так что вся влага остаётся близ поверхности, делая почву сырой, болотистой и полной предательских топких ловушек. Вплоть до XVIII столетия Нагорье представляло собой словно некий воображаемый остров, отрезанный заливами Фёрт-оф-Форт и Фёрт-оф-Клайд, и единственный путь туда пролегал через Стерлинг.

Именно поэтому Роберт Брюс и смог разбить английских герцогов в битве при Бэннокбёрне в 1314 году, хотя шансы были против него. Болотистые земли вокруг Стерлинга были осушены только в конце XVIII века, а основные перемещения по Нагорью до тех пор шли по морю.

СЭМ

Как вы уже могли заметить, Грэм слегка чрезмерно увлечён историей, потому что — давайте посмотрим правде в глаза — он из другой эпохи (и с другой планеты). Думаю, он родился в 1940-х... [*Грэм. Ну, спасибо. В 1961.*] Как бы то ни было, он и вправду немало знает о кланах и о своих шотландских предках. Хотя у меня самого живой интерес к шотландской истории, мне ещё предстоит заполнить пропуски в моей родословной. Я жажду узнать больше, и именно поэтому и решил сделать *Men in Kilts* в формате телешоу: для меня нет лучшего способа что-то узнать, чем оказаться среди этого. Я из тех, кто выбирает вариант «давайте уже справимся со всем этим д*рьмом!» — и организация путешествия по Нагорью вместе с приятелем, где мы повстречаемся со множеством шотландцев и будем распивать бочковой неразбавленный виски, — это как раз то, что мне по душе. Так что, если Большой Гэ в нашем приключении — это заплесневелый профессор с кустистыми бровями, то я просто Стивен Спилберг! Лысовласка старше меня на 20 лет и влезает со стариковским занудством в такие мелочи, как даты сражений, число погибших и раненых, и какая в тот день стояла погода, — и в этом состоит странное и неожиданное преимущество нашей межпоколенческой дружбы.

И перед нами открывается эпичное путешествие, начинающееся в цветущей долине Гленко. Величественная гора Буахэль-Этив-Мор (что на шотландском гэльском означает «пастух из Этива»), охраняющая долину, выглядит невероятно в лучах утреннего солнца. По правую руку лежит островершинный и опасный хребет Онах-Игах, который протягивается вдоль всей долины. Пересечь его можно лишь в одной точке, и то с верёвками и в альпинистской обвязке, и именно сюда я всегда хотел выбраться. [*Сэм. Грэм, как тебе идея?*] [*Грэм. Спасибо, не сегодня.*] Долину пере-

секает метко названный путь — «лестница дьявола» — старая военная дорога, и это крутой подъём (слишком крутой) даже для самых отчаянных искателей приключений. Я бывал в Гленко в детстве, а когда был подростком, учился здесь кататься на лыжах. Как бы то ни было, в отличие от Грэма, проведшего юность в Глазго, моё детство прошло в сельской местности на равнинах. Я родился в каменном домике неподалёку от деревушки Балмакклеллан в Гэллоуэе, на юго-западе Шотландии, в 1980-м...

Грэм. Я чувствовал, что равновесие в мире в том году было нарушено, сколько я припоминаю...

Сэм. А вот это придётся тебе по нраву, Грэм. Родители и брат Кирдан порой на самом деле называли меня «Сэмуайз», по имени персонажа в толкиеновском «Властелине колец». А Грэм играл Двалина, ворчливого и сердитого шотландского гнома из трилогии «Хоббит». Опять совпадение.

Грэм. Правда? Я этого не знал, приятель. Я знал, что должна быть хоть какая-то причина тому, что ты мне понравился. Хотя я всё равно считал Сэмуайза самым докучливым из хоббитов из «Властелина колец» и втайне надеялся, что Саурон придушит его где-нибудь в Мордоре.

Сэм. Мило.

Нас воспитывала мама, Крисси, и мы переехали в Нью-Гэллоуэй (самый крошечный городок в Шотландии) в дом, перестроенный из бывших конюшен, который назывался Стэдингс. [*Грэм.* Ты буквально вырос в хлеву, словно какой-нибудь шотландский младенец Иисус], рядом с замком Кенмур — развалинами XIII века на берегу озера Лох-Кен. Тогда было не просто, но это не имело никакого значения, потому что у нас с братом был старинный двор, обнесённый каменными стенами, окружённые валами луга (стрельбище для лучников в моём воображении) и густой лес лесохозяйственной комиссии в качестве нашей игровой площадки. Сейчас я осознаю, какой идиллией это всё было и насколько мы были счастливы. История всегда была прямо вокруг нас. Хмурое присутствие замка Кенмур, зияющего провалами окон и дверей, было сродни лицу злобного чудовища, которое вот-вот начнёт глотать детей. Порой я набирался храбрости и проскальзывал внутрь разрушающегося замка и находил там следы присутствия его прежних обитателей — древ-

ний очаг, голые стены и полы. Я представлял себе воинов, крадущихся вверх по винтовой лестнице, — прямо как мы делали это в «Чужестранке». Именно на этой земле я и начал играть и развивать своё воображение. Я был одержим Мерлином, Экскалибуром, королём Артуром и Робертом Брюсом; всё здесь было связано с древней историей Шотландии, и многие мифы и легенды родом именно отсюда.

Бум!

Мы на полной скорости налетаем на ухаб.

Грэм. Бога ради, Сэм, притормози! Это похоже на дермовый ремейк «Скорости»...

Сэм. А ты, стало быть, Сандра Буллок?

Грэм. Сандра Буллок вела машину! *ПАУЗА.* А это что ещё такое?

Борода Грэма топорщится, когда он тычет своим длинным указательным пальцем в миниатюрную фигурку шотландской бурёнки, болтающуюся на зеркале заднего обзора. «Что это?» — повторяет он, на этот раз тоном, преисполненным даже ещё большего подозрения, чем обычно, — как будто ожидая, что она или замычит, или взорвётся прямо перед его лицом. Я украсил наш фургончик таким количеством шотландской атрибутики, который только смог отыскать у себя дома и в местном благотворительном магазинчике. Старые карты Шотландии, набор сломанных вольнок, меч с коробчатой рукояткой, клюшка для игры в шинти, шотландский флаг, парочка заржавевших велосипедов, привязанных к багажнику сзади, и весь подобный хлам, который мне удалось найти, чтобы лысый чувствовал себя, как дома. «Это всё материалы исследования, и притом не без сюрпризов», — подначиваю я, заставляя его держаться в напряжении и удостоверяться, чтобы ему не было достаточно уютно, чтобы просто свалиться и заснуть. Воображаю, как он дремлет, укутав колени клетчатый пледом, а поверх стоит его саквояж.

Сэм. У меня там под умывальником припрятан односолодовый виски (*и печеньки, которые он не должен найти*). А ещё я прихватил для тебя сигары...

Грэм. Милая мысль. Я не курил никогда в жизни, так что, наверное, просто задохнусь и умру.

Сэм. В том и был замысел...

Брови Грэма взлетают до потолка, а рот широко раскрывается.

Грэм. Почему движок издаёт такие звуки — *вррр-вррр?*

Сэм. Чёрт, не ту передачу включил.

Грэм. У меня во рту словно опилки со дна попугайной клетки — мне срочно *необходим* латте.

Грэму *всегда* необходим латте. На съёмочной площадке «Чужестранки» коронной фразочкой Грэма было «Я буду латте», и вскоре он стал известен как «Леди МакТавиш» — за то, что выдавал такие запросы, являя полную противоположность своему персонажу из «Чужестранки» — суровому военному вождю Дугалу Маккензи. А если у Грэма падает уровень сахара в крови, нам всем крышка. Честно, этот человек живёт своим желудком. Ему постоянно нужно что-нибудь жевать. Я пью по утрам пару чашек чёрного кофе, чтобы вытащить мозг из сонного оцепенения, и, возможно, съем тарелку горячей овсяной каши. Но Грэму подавай кашу, полный завтрак, йогурт. Он из тех, кто всегда заказывает закуску-аперитив, основное блюдо, и, возможно, ещё и сырную тарелку, да ещё и первым спросит карту вин, чтобы подобрать подходящее. Я обычно сразу открываю меню на коллекции виски.

ГРЭМ

В свою защиту могу сказать, что нет у меня никаких таких запросов, просто я из тех, кому весь день нужен кофе, и когда я приезжаю на съёмочную площадку или куда-нибудь ещё, например в гостиницу, я хочу разузнать простую информацию: где можно оставить мои пожитки, куда можно присесть, где кофе, и в котором часу подают завтрак...

Сэм. ...а также обед, чай и ужин, и всё должно быть готово, ещё когда ты завтракаешь.

Грэм. Мне просто нравится знать, когда я в следующий раз поем.

Сэм. В бардачке есть протеиновые батончики с фруктовым вкусом.

СЭМ

Я оборачиваюсь и осознаю, что Её Светлость уже завален пустыми фантиками и что-то уплетает втихаря. Да чтоб

тебя, Грэм! Он улыбается мне. Когда я впервые повстречал этого человека? Была ли это любовь с первого взгляда? Не могу припомнить... Я прокручиваю время назад в своей памяти... Мы были в маленькой душевной студии в Сохо, в Лондоне. Я сидел вместе с несколькими исполнительными продюсерами и командой по кастингу «Чужестранки» и читал сцены с актёрами, проходившими пробы на роли Дугала и Колума Маккензи, братьев и устрашающих вождей клана. Дугал был яростным и безрассудным военным вождём, а Колум — калекой-политиком и хитрейшим манипулятором. Джейми был лоялен к ним обоим, но дело было неоднозначным, и хотя оба приходились ему дядьями, все трое относились друг к другу с изрядной долей недоверия.

Первым был Тим Макиннери (капитан Дарлинг из «Чёрной гадюки»), и он пробовался сразу на обе роли. Изначально он пришёл играть отца Бэйна¹ — священника, который обвиняет Клэр в колдовстве, — и с ним произошёл весьма неприятный случай во время съёмок сцены с чересчур рыаной сворой собак², хотя все пальцы у него и уцелели. Затем вошёл Грэм МакТавиш, щеголяющий в свитере цвета лосося или бордо; он был очарователен и уверен в себе. Мы отыграли пару сцен, и я помню, как старался припугнуть его, как Джейми, встав с ним лицом к лицу. Он оказался выше, чем я ожидал, и даже не подался назад, а его белая борода [Грэм. Тогда она ещё не была белой. Это случилось только во время нынешней поездки] топорщилась прямо передо мной, когда он угрожал мне. Кто знал, что годы спустя я буду делить с ним вонючий фургончик и ехать на ветхом велосипеде-тандеме по берегам озера Лох-О в нашем собственном телешоу.

ГРЭМ

Впервые я встретил Сэма в августе 2013 г. Я только что завершил работу в трилогии «Хоббит»: два с половиной года беготни по Новой Зеландии в костюме гнома. Жизнен-

¹ В итоге его и сыграл. — *Прим. пер.*

² По книге, когда они нападают на него; в результате именно поэтому от сцен с агрессивным участием животных в «Чужестранке» отказались. — *Прим. пер.*

ный опыт, не имеющий себе равных. Пластический грим, 70-фунтовый (около 31 кг) костюм, и узы дружбы на всю жизнь, скреплённые бюджетом в 750 млн долларов. Это было изумительно, и я был готов к чему-то новому. К чему-то без пластического грима. Я помню, продюсеры рассказывали, как они думали, что найти актёра на роль Джейми Фрейзера будет очень сложно, но взяли его самым первым. Его звали Сэм Хьюэн. Я погуглил, конечно. Красивый — почти раздражающе, и с совсем кратким списком ролей, он только что заполучил ведущую роль в многомиллионном телесериале, основанном на невероятно популярной серии романов (семи изданных на тот момент) — это возможность на много сезонов. «Вот же везучий засранец», — подумал я и немедленно его возненавидел.

Я приехал — и да, первым меня поприветствовал Сэм. Во-первых, он оказался высоким; на мгновение я подумал: «Этот поросёнок, что, выше меня?» [Сэм. Да!] Я привык быть самым высоким на съёмочной площадке — и это было источником невероятной гордости, ведь Ричарду Армитиджу¹ пришлось носить ботинки на специальной платформе, чтобы в «Хоббите» мы с ним были вровень, пусть и гномами!

Сэм, кажется, считает, будто бы на мне был свитер бордо или цвета лосося. Ну, во-первых, там было *адское* пекло. Я бы ни за что не надел джемпер, если бы только не хотел, чтобы Дугал Маккензи обливался потом, словно футболист во время диктанта. Во-вторых, я никогда бы не надел одежду цвета лосося. Бордового — возможно. Скорее всего, то была футболка или рубашка. Что-то подогнанное по фигуре, чтобы, надеюсь, произвести впечатление более мускулистого человека. И, конечно же, Сэм *всегда* выглядит накачанным. Он набирает мышцы буквально каждый день. Подозреваю, что его мускулы выросли даже за то время, пока я печатал текст этого абзаца, и притом заметно. В первом сезоне он уже был большим, — к восьмому ни одна лошадь не сможет увезти его обширную мышечную массу. А крупные планы придётся снимать широ-

¹ Ричард Армитидж — бриатнский киноактер, исполнитель роли гнома Торина в кинотрилогии «Хоббит» (реж. П. Джексон). — *Прим. пер.*

коформатным объективом. Но я отвлекся. Сэм, думаю, был одет в футболку — ещё более облегающую, чем моя.

Я помню, как был весьма впечатлён его крепким рукопожатием. Я вообще придаю им очень большое значение. Рукопожатие Джейми Фрейзера не может быть вялым. Говоря о Джейми, я припоминаю, что в книгах его рост описывался как вровень с особенно просторным очагом. По этим меркам, перед Сэмом стояла непростая задача в вертикальном отношении. Но ещё я помню, как был покорён его щедрой открытостью и честностью. Он всё делал так, чтобы я мог почувствовать себя непринуждённо. Сэму было предопределено сыграть Джейми Фрейзера, потому что он именно такой, каким вы себе его представляете: совершенно добросердечный парень с лёгкой сумасшедшинкой.

И вот спустя семь лет мы отправляемся с ним в дорогу в жестянке из-под маргарина на колёсах. На наше счастье, на дорогах в этой части Шотландии редко встречаются ответвления. Был один такой британский офицер, генерал Джордж Уэйд, которому пришла в голову идея, что войскам будет на руку, если дороги сделать по-настоящему (кому-то это покажется самоочевидным, учитывая, что римляне, по всей видимости, дошли до этой мысли ещё две тысячи лет назад), — и вот он построил дороги, ведущие в Нагорье, в XVIII веке, дабы «цивилизовать» горцев и подчинить их, и его не особенно заботили всякие повороты и запасные площадки. Наш поворот должен был быть справа, вероятно, один на 20 миль... и Сэм его пропустил.

«Мы слишком далеко заехали», — говорю я.

Сэм. Что, правда?

Грэм. Ну да. Только что проехали мимо.

За этим последовал леденящий душу разворот на 180 градусов, чтобы вернуться туда, откуда мы приехали. Думаю, даже овцы замерли с непрожёванной травой во рту, в изумлении прислушиваясь к скрежету коробки передач и рёву нашего «Фиата»-ошибки. Шотландские коровы укоризненно трясли своими лохматыми головами. К счастью, дорога была пустынной.

Когда мы в конце концов отыскали пропущенный поворот и стали трястись на однополосной дороге, Сэм начал набирать скорость. У меня внутри всё сжалось. Нам на-

встречу ехала машина. «Машина, машина!» — прокаркал я, словно охрипшая ворона¹. Мы внезапно остановились и уставились на водителя чёрной «Ауди». Он смотрит на нас с осязаемым презрением. Мы подбадриваем его отъехать назад. Он жестами отвечает тем же, тыкая в нас пальцем — мол, это *мы* должны ехать назад. «Ты должен сдать назад, ты же уже делал это раньше», — говорю я Сэму. «Не могу! Тут места нет», — отвечает он. Мы отрицательно машем головами и вновь показываем на водителя «Ауди», который выглядит угрожающе. [*Сэм. Это был водитель BMW. «Ауди» водят только джентльмены.*] [*Грэм. Ну конечно, ты скажешь так — со своей-то дармовой Q-59-спорт-турбо-Е-как-её-там...*] (Подробнее об этом чуть позже...)

СЭМ

В конце концов водитель BMW [*Грэм. Это была «Ауди» — у меня есть фотодоказательства*] улавливает наш призыв и осознаёт, что мы с места не сдвинемся, и сдаёт назад до того участка, где мы сможем разъехаться. Мы благодарно машем ему руками. Он насмешливо ухмыляется над нашим домом на колёсах. Я тоже сперва вовсе не был горячим поклонником этого фургончика, но теперь начинаю проникаться к нему искренней привязанностью. Чуть дальше на дороге нам попадается человек с длинной лохматой бородой и такими же волосами, сосредоточенно вышагивающий ровно посередине. Он отказывается пропустить нас добрых 15 минут — и выглядит в точности как Дункан Лакруа. Может, это он и есть? Он садится на обочину, вперившись безумным взглядом в небо. Да, определённо, это может быть он.

Грэм. А мы вообще куда едем-то?

Сэм. На дегустацию виски.

Грэм. Чтоо? Да сейчас же 9 утра.

Сэм. Похмеляйся, старый пёс.

Грэм. Ну давай, молодой претендент.

¹ На английском «машина» — саг, и если в британском варианте конечная «р» почти не произносится, то в шотландском — вполне себе, так что Грэм наверняка и вправду «каркал». — *Прим. пер.*

ГЛАВА 2

Свобода и виски шагают рядом

Прошу тебя, старинный Скотч,
Бродя в стакане день и ночь
Иль с пеной устремляясь прочь
Струёю резвой,
Мне по-приятельски помочь
(Пока я трезвый!)

*Роберт Бёрнс. «Шотландский виски» (1785)
(Перевод Е. Фельдмана)*

ГРЭМ

Мы входим в бар Clachaig Inn, построенный в XVI столетии, который до последнего времени носил вывеску: «Хокеров и Кэмпбеллов не обслуживаем!», что означало, что ни тех ни других туда не пускали. Странновато быть в пабе в девять утра. Это напоминает мне о вечеринках, на которых я просыпался лет в двадцать с небольшим. Всё здесь насквозь пропахло застоявшейся выпивкой. Единственное чего не хватает — так это валяющихся на полу пьяниц. Тут совсем пусто, не считая одной группки

людей: четырёх человек в углу, окружённых музыкальными инструментами, которые выглядят странным образом не подходящими для подобной обстановки.

Сэм представляет меня Ричарду Гозиэну из Общества односолодового шотландского виски (Scotch Malt Whisky Society, SMWS), на столе перед которым расставлено несколько бутылок виски и бокалов для дегустации. Мой желудок сжимается. По молодости это всегда было пиво. Именно оно стало самым первым напитком, который я заказал в свои 15 лет в местном пабе «Одинокий дуб», что в местечке Фримли графства Суррей.

Начал я с лёгкого пива. Потом перешёл к элю. Мне нравится Deuchars IPA (прекрасный шотландский напиток), и в Шотландии я перепробовал немало разных сортов. Другим любимым был эль Traquair (его изготавливают в Traquair House в Borders). Долгое время шотландское пиво было совершенной ерундой. Ничто не могло сравниться с их английскими конкурентами с просто удивительным числом сортов: Abbots, Sam Smiths, Greene King, London Pride от Fuller, да даже Boddingtons. Список выходит длинный. А в Шотландии было пиво Tennent's (ароматизированная водица из сортира).

СЭМ

Учитывая, что я был «лицом» пива Tennent's года три или даже больше, я непременно ожидал подобной подначки. Я сыграл Хью Теннента, и мне нравится их пиво! Это же просто один из «неофициальных» шотландских напитков, помимо виски, воды, Ign Bru, Buckfast, джина... ну и других.

Я сыграл создателя восхитительного напитка, который съездил в Германию и привёз оттуда закваску от Pilsener, — и она используется по сей день. Я не только выпил тонну того пива, играл с обезьянками и получил VIP-пропуски на крупнейший в Шотландии музыкальный фестиваль T in the Park, спонсируемый компанией Tennent's, но ещё и обзавёлся в той рекламе дворецким, которого сыграл Тим Дауни. Мы стали отличными друзьями, путешествовали в Прагу на автобусе, заполненном пивом, а ещё в Южную Африку, и тогда я впервые взобрался на Столовую гору. Сейчас Тим играет губернатора Трайо-

на в «Чужестранке», и просто великолепен в роли властолюбивого чиновника. А ещё он оказался одним из самых забавных людей, которых я только встречал, и если ты, МакТавиш, не заткнёшься, то это его я приглашу компанией в поездку в следующий раз.

ГРЭМ

Как я и говорил, Tennent's напоминает водичку из грязного гальяона (Хьюэн вам разрекламирует что угодно, он буквально в одном шаге от рекламы мази против геморроя). А пиво McEwan's щеголяет привкусом болотной жижи, в которой сдохла какая-то зверушка. Но с тех пор дела переменялись в лучшую сторону. Сегодня Шотландия может похвастаться ошеломительным разнообразием превосходных марок пива, таких как Stewart Brewing и Fallen Brewery, равно как и одним из лучших сортов джина, которые я когда-либо пробовал, включая джин с острова Харрис, настоящий на экстракте ламинарии. Но, как бы то ни было, даже сейчас — что я признаю с неохотой — будь у меня выбор, я бы предпочёл охлаждённый совиный из Новой Зеландии или пино-нуар из Центрального Отаго — в любой день. *[Сэм. Это кощунство! Вздёрнуть его!]*

Хотел бы я быть таким любителем виски, как Сэм. Я наблюдаю в восхищении, как он выбирает виски, наслаждаясь процессом, и воркует с удивлением над какой-нибудь особенной бутылочкой, которую не пробовал раньше. Заказывает он с уверенностью, а дегустирует с воодушевлением. Вы прямо можете увидеть, как бармен осознаёт, что перед ним оказался знаток своего дела. А я просто стою рядом, выразительно кивая, вновь делая вид, будто бы я и сам что-то во всём этом смысле, хотя в действительности не понимаю ничего. И нам с Сэмом попадались неплохие образцы. Мы оба участвовали во встрече с фанатами в Италии, где наша «зелёная комната» была укомплектована виски Laphroaig 1939 г. (по немыслимой цене в 40 тыс. долл. за бутылку — аж слёзы на глаза наворачиваются), Mortlach 1953 г. и Glenfarclas 1970 г. Невероятно.

А теперь Ричард и Сэм ожидают, чтобы я выбрал какой-нибудь виски на пробу, — а я не то чтобы не любил виски, не поймите меня неправильно, — но я просто совершенно

не представляю, что бы я предпочёл в девять утра, мучимый похмельем, да ещё и после зубодробительной поездки с Хьюэном. Я тыкаю наугад. Ричард передаёт мне бокал. Сэм суёт туда нос, вдыхая нотки Шотландии словно профессиональный «нюхач», — реальная специальность в парфюмерной индустрии (а некоторые такие «носы» застраховали свои пяточки на миллионы). И, конечно же, у него, как изпод земли, завёлся собственный виски, вы разве не знали? Теперь на очереди лосьон после бритья. Нет, правда.

СЭМ

Тебе не повредит капелька Него by Neughan¹, а то несёт от тебя как от старого пьянчужки. Сосредоточенность, которая потребовалась мне для управления этой лодкой на колёсах, заставила меня страдать от жажды. Как у нас говорят — в глотке пересохло. Ричард передаёт нам бокал неразбавленного бочкового виски 26-летней выдержки, изготовленного на Black Isle на севере Нагорья, крепостью в 46,9%.

Все. Slainte!

Грэм опасливо всматривается в меня, делая осторожный глоток. Ричард объясняет, что это бочковой виски, то есть неразбавленный.

Мне нравится виски покрепче, тогда его вкус ложится острее и ощущается по-особенному. Если вы фанат скотча, то одно только наслаждение ароматом — сладкими его нотами или оттенками — уже может быть весьма приятным. Прозрачная жидкость вбирает в себя цвет и аромат каждого бочонка, например из французского дуба, ведь многие сорта виски выдерживаются в бочках, где ранее хранился бурбон или сладкие вина. По мере выдержки вкус виски становится более глубоким и сбалансированным, менее резким, с нотками ирисок, корицы, мёда, кожи, цитрусовых и табака. Этот аромат может перенести вас...

Грэм. Ты мне напоминаешь Джилли Голден².

Сэм. Кого?

¹ Он шутит, выдумывая название «своего» виски — «Герой», от Хьюэна. — *Прим. пер.*

² Джилли Голден — английский винный критик, журналист и телеведущая. — *Прим. пер.*

Грэм. Не обращай внимания, это было ещё до тебя... Причёски у вас похожи.

К неразбавленному виски Ричард рекомендует глоточек чистой воды, который смягчит его и проявит больше вкуса. Никакой другой напиток не назван по имени страны (скотч), и поэтому виски для меня больше, чем просто напиток. Когда я скучаю по дому, то наливаю себе порцию виски. Он приносит мне огромное удовольствие: запах пробуждает в памяти воспоминания о Шотландии; вкус переносит меня домой. Это огромная часть шотландской культуры, и его производят по всему миру уже несколько сотен лет. Раньше, до Акта о лицензии 1780 г., многие шотландские горцы производили собственную «огненную воду», особенно на северо-востоке страны, ввиду близко расположенных ферм по выращиванию зерна. По мере того как популярность виски с веками росла, выделились пять основных регионов его производства: Равнины, Кэмпбелтаун, Нагорье, Острова и Спейсайд.

Считается, что «сама земля» — вода, климат, почва, рельеф и окружающая растительность — влияют на каждую партию виски, придавая ей неповторимый вкус. Многие ремесленники выживали и сами себя поддерживали, получая доход с продаж своего виски. Первое письменное упоминание о Uisge-beata, «Воде жизни», содержится в списках шотландского казначейства за 1494 г., где есть запись о «восьми мерах солода для Фриара Джона Кора, дабы изготовить из них воду жизни». «Мера» — это старинная шотландская единица измерения, в которой было не больше шести бушелей¹. Распитый вместе у очага, виски объединял людей, пока они обменивались рассказами и шутили, совсем как в наши дни, даже с отстойной болтовнёй Грэма. Ой, он падает! «Садись, Грэм». Честно, это всё равно что выйти в свет со своим дедом. Щас он примется рассказывать истории времён войны...

ГРЭМ

И вот к 9:51 утра я уже пьян... опять. Что вызывает гораздо большую тревогу — и Сэм тоже. Мы скрепя силы пробираемся сквозь образцы виски, собранные со всех регионов, где его только производят. Мы начинаем

¹ 1 бушель — это 25,4 кг.

с того, что на светлом солоде — по ощущениям, я словно глотаю жидкость для заправки зажигалок, — но с каждой следующей порцией виски становится всё более вкусным и разнообразным, и так до самого конца. Моё небо просто счастливо, но вот желудок брыкается словно пони, работающий в шахте, чтобы удержать всё в себе и продолжить процесс. После пяти или шести (честно, не помню) меня можно официально признавать «совсем очумевшим». Не могу припомнить, какой мне понравился больше всего, но мы точно выбрали один и тот же. Так что это было-то?

Сэм. Спейсайд.

Грэм. О, точно.

Сэм поднимается с места и исчезает — возможно, чтобы вновь наполнить свою фляжечку (или их несколько?) неразбавленным виски. (Он пьёт втихаря.) Но оказывается, что на самом деле он пошёл переодеваться — и теперь, в другом наряде, ждёт, пока ему наведёт красоту его личный стилист — замечательная Венди из «Чужестранки». Да-да, он ездит с личным гримёром, так что она может нанести волшебный контуринг или пририсовать ему кубики пресса, если вдруг срочно понадобится. Венди и над моим гримом поработала — чуть раньше, ещё на парковке, но я не могу удержаться от мысли, что она пыталась слепить из дерьма конфетку, как в фильме «Золотые яйца»... А грим Сэма наложен любовно и тщательно.

Сэм. У меня есть право на ответ.

Грэм. Запрос отклонён.

Сэм возвращается помолодевшим и сияющим, словно Одиссей, после того как богиня Афина применила свою магию, и по вечной и почтенной традиции телевидения мы притворяемся, как будто встречаемся с музыкальной группой Fgas, которая по совершенной случайности оказалась тут в пабе, готовясь к зажигательному вечеру для местных. То, что в баре никого из местных при этом нет, только разношёрстная кучка участников съёмочной команды, — это ещё одна из удивительных загадок телевидения. Но, раскрепощённые виски, мы уже вполне готовы к старому доброму «спеть за компанию». Музыканты — Мурдо, Ангус и Кэйлен — просто изумительно исполняют местную народную мелодию под названием «Три короны». Я всегда завидовал лёгкости и непринуждённости мастеров своего дела — а эти

ребята точно мастера. Мы начинаем притоптывать в такт — и на какой-то благословенный миг я даже забываю, что мы тут в пустом баре со съёмочной командой.

У многих известных шотландских мелодий есть связи с эпохой якобитского восстания, как и у песни об острове Скай, написанной в XIX столетии, — той, которая звучит в начальных титрах «Чужестранки». В песне описывается путешествие, которое совершил Красавчик принц Чарли на остров Скай, после того как избежал плена в битве при Каллодене в 1746 году, что положило конец мечтам о восстановлении Стюартов на троне. [*Сэм. Красавчик Принц сбежал, переодевшись в женское платье. Он был весьма прогрессивно мыслящим человеком!*] В недавних исследованиях стало известно, что среди песен, посвящённых Красавчику принцу Чарли — даже *O come, all ye faithful*, секретная ода якобитов, — конечно, *Bonnie banks of Loch-Lomond*:

На твоих прекрасных холмах и берегах,
Где солнце сияет ярко на озере Лох-Ломонд,
Где мы с моей возлюбленной всегда были веселы
На прекрасных берегах озера Лох-Ломонд

Припев:

Ты пойдёшь по большой дороге, а я пойду тропинкой,
И приду в Шотландию прежде тебя,
Но нам с моей возлюбленной никогда больше не встретиться
На прекрасных берегах озера Лох-Ломонд

(Перевод Н. Гамовой)

СЭМ

Он исчез. Вместе с феями. Совершенно не ощущается, что сейчас всего 10 утра и что мы ведём съёмки. Я просто наслаждаюсь жизнью, так что сейчас выпью ещё глоточек Спейсайда с Ричардом и начну рассказывать ему, как заводы по производству виски предлагали мне просто наклеить на бутылки этикетки с моим именем, прежде чем поняли, что я на самом деле хочу создать свой собственный виски.

[Грэм. О, ну конечно...]

«Ричард, я знаю, что традиционный вариант — это односолодовый виски, и именно им пропитано наше наследие, но я заметил, что пью больше виски азиатских марок [*Грэм. Ах ты, паршивец-предатель!*]. У них мягкий и роскошный вкус, и они просто великолепны... Так что я подумал, что на рынке есть пробел для хорошего купажированного виски, и за прошедшую пару лет мы с моим партнёром по бизнесу Алексом Немцем (это прозвище. — *Прим. пер.*), путешествовали по всей Шотландии, посещая винокурни от самых южных равнин и до северных окраин, включая Инвернесс и Нагорье [*Грэм. Всё ради бесплатной выпивки на пробу*], встречаясь с теми, кто усердно трудится на производстве, вкладывая свою увлечённость и страсть в каждый бочонок. Это было изнурительное путешествие, и мы долгие дни провели в дороге, связываясь с нашими международными партнёрами и конечно же, отбирая многочисленные образцы на каждой остановке. Кто-то же должен выполнять эту работу».

[Грэм. Я открыт для предложений!]

«Мы хотели создать что-нибудь особенное, что переносило бы вас домой в шотландское Нагорье: к огню камина, к ветру и дождю за окном. Наша эмблема — единорог, национальное животное Шотландии, сильнейший из зверей. Единорог — единственный, кто может победить льва. Его может приручить только девственница. Свободолюбивый дух единорога воплощает мою гордость и страсть к Шотландии».

[Грэм. Ты прости, что перебиваю, приятель, но единорог — животное вымышленное...]

«И однажды глубоко ночью я проснулся с откровением — вот оно! Так родился виски Sassenach».

[Грэм. Звучит больше как лосьон после бритья.]

«Ричард... Могу я звать тебя просто Рич? Виски Sassenach — это бунтарь, это чужестранец, любой, кто просто не хочет соответствовать правилам. На его создание вдохновил сам ландшафт Нагорья: древние пики, скрытые долины, поднимающийся утром туман... а по его жилам текут свежая чистая вода и крепкий дуб».

[Грэм. О боже.]

«Мы выдерживаем виски в бочках из-под мадейры, так что подчёркнуто щедрая фруктовая составляющая идёт первой нотой его вкуса. Аромат переливается оттенками цитрусовых, миндаля и ванили. И я действительно горжусь, что могу сказать тебе, Рич, наш виски выиграл двойное золото при слепом тестировании на международном конкурсе спиртных напитков в Сан-Франциско (2020 San Francisco World Spirit Competition), — да, это же изумительно, правда? И мы выиграли даже ещё одно двойное золото — за дизайн бутылки и упаковку. Это же просто уйма золота, Ричи! Но слушай, обещаю — когда ты его попробуешь, ты ощутишь на своём нёбе ласкающие оттенки персика, абрикоса, мёда и ирисок — со сладким и безошибочно узнаваемым послевкусием корицы и мускатного ореха...»

ГРЭМ

Как твой кинодядюшка и друг в настоящей жизни, я советую тебе остановиться с этим барахлом про «поднимающийся утром туман» и «ласкающий нёбо вкус!» Честно, вот он всегда такой, что-нибудь да втюхивает... Учитывая количество всякой ерунды на пробу, что достаётся ему задаром, думаю, его комната напоминает фабричный магазин. У него, небось, и в ванной «Ауди».

Поверьте мне, я был бы очень даже рад обстоятельно и подробно побеседовать о виски Сэма (определённо!), но для этого требуется, чтобы я хорошенько его распробовал. Как Ричард.

Я помню, как виделся с Сэмом на премьере пятого сезона «Чужестранки». По случайному совпадению, он как раз нёс бутылочку своего виски. Я выследил его на красной дорожке. Мы обнялись. Не очень долго — нормально. (Гэри Льюис — Колум в сериале — не одобрил бы. Он считает, что нельзя хорошо обняться впопыхах, нужно растянуть хотя бы на часок.)

«Я хотел бы попробовать твой виски», — говорю я ему, перекрикивая шум фанатов и журналистов.

«Я пришлю тебе бутылку», — заверяет он меня.

Я представил, как её доставят, быть может, ко мне в гостиницу. Ну, или парой дней позже — домой. И как я бы открыл этот виски в восторге и предвкушении, про-

буя несколько глоточков, перед тем как позвонить ему и излить свои чувства про то, какое у него деревянное послевкусие. Дело было в феврале 2020-го. А сейчас уже почти Рождество. Может, на почте завалилось?

[Сэм. На самом деле, я оставил по бутылке для каждого из участников актёрского состава, кто жил в специально отведённом отеле. А Грэм окопался в какой-то отдельной гостинице в Лос-Анджелесе и наверняка не дал мне свой адрес, опасаясь, что мы с Лакруа можем завалиться к нему без спроса.]

В итоге возможность попробовать этот нектар у меня подвернулась во время торжественного ужина в Лос-Анджелесе в доме Карен Бейли, исполнительного продюсера Starz по «Чужестранке». Порция была совсем небольшой (Лакруа тоже там был, и думаю, он позаботился на этот счёт), но всё равно действительно это было очень вкусно. Я подавил в себе волну зарождающейся зависти и сосредоточился на том, что я пробую. Сэм потратил немало времени и сил, доводя виски до совершенства — и его усилия окупились. Не могу соперничать с тем описанием, что Сэм дал своему виски сам, но вот лучшее из того, что получилось у меня:

«В нём сочетается глубокая мощь гоночного автомобиля из Формулы-1 с живой подвижностью овцы из Нагорья, но то не обычная овца. Эта пила из источника, сочащегося амброзией, среди туманной долины, склоны которой покрыты мягчайшей на вкус росой. Если бы в Шотландии по-прежнему водились волки, вы бы ощутили на себе их клыки, пока виски скользило бы по вашему нёбу, как изголодавшаяся по танцу балерина. Я ощущал в нём вереск, дикий горный чабрец и шотландский твид. И пока я позволил ему просочиться по моему горлу и достичь жаждущего желудка, клянусь, я слышал голос Красавчика принца Чарли, шепчущего мне на ухо, и отдалённый грохот канонады. Я плакал».

Сэм. Старик, умолкни. Сейчас Sassenach бесплатно не раздаётся.

СЭМ

Как бы то ни было, некоторое время спустя мы сидим за барной стойкой, разливая пинты за хозяина и его семейство, уже изрядно захмелевшие. И вот тогда-то входит

она, одетая в футболку с принтом «Эти щеночки любят Чужестранку». Мы прозвали её Далилой. Но настоящую опасность представляет женщина позади неё — её мать, известная как Глен (по аналогии с Глен Клоуз в фильме «Роковое влечение»). Глен — дама устрашающих габаритов. Я уже видел её раньше в Праге. И в Глазго. И в Эдинбурге. И вот теперь она здесь, предлагая свою дочь.

«Думаю, ты знаешь, почему мы здесь, Джейми Фрейзер», — гавкает она с роскошным горловым акцентом из Глазго. Она подталкивает вперёд свою дочь, которая смотрит на меня и хлопает накладными ресницами. В последний раз дело закончилось тем, что я прятался от неё на лестничном проёме, пока охрана выдворяла её из гостиницы.

Грэм по-прежнему разливает пиво и несёт пургу, пока я бочком-бочком прокрадываюсь в уборную и оттуда сбегая на парковку. Меня слепит сияющее солнце — ведь сейчас 10:30 утра. Я смотрю на фургончик, вытаскиваю из кармана ключи, но вести машину мне не под силу. Чёрт.

Мишель уже стоит позади меня. Она предусмотрела нашу неспособность сидеть за рулём и говорит нам садиться в фургон на задние сиденья. «Джон поведёт», — объясняет она. Я рассказываю ей, что нам нужно сбежать — тут объявились суперфанаты, которые хотят любым способом заполучить меня, словно капитан Джек Рэндалл.

Мишель всё понимает. Она идёт в паб и возвращается вместе с Грэмом, который как и я, ослеплён солнцем, словно лысеющий Икар. Он ничего не видит и бежит не туда. Мишель хватает его за оливково-зелёную рубашку и перенаправляет в безопасность фургона. Мишель ещё раз отправляется в паб, за Ричардом, и тот мчится к нашему автомобилю, словно под градом невидимых пуль на поле битвы. Ричард запрыгивает к нам. «Поезжай вперёд на подпольную винокурню», — говорит Мишель. Джон, уже на водительском сиденье, заводит двигатель. Глен и Далила выбегают из паба, когда мы скрываемся в облаке пыли. Ох, на этот раз они были близко. Слишком близко.

Не сильно вдаваясь в подробности, большинство фанатов «Чужестранки» — милые и совершенно нормальные люди, но есть отдельные (немногочисленные) граждане, ко-

торые верят, будто бы я и впрямь Джейми Фрейзер, и что они — моя настоящая любовь, или что я должен жениться на Клэр (Катрине Балф). Я знаю, что Грэм продал бы собственную почку, чтобы заполучить такой уровень внимания, но порой это всё слишком. Он утверждает, что суперфанаты набросились на него после парада тартанов в Нью-Йорке в 2015 г.¹ — но это всё только в его воображении!

Пока мы направляемся к нашей следующей цели, валяясь на диване в хвосте фургончика, мы видим человека, идущего по дороге, точно как Дункан Лакруа. Это он? Быть не может. «Дункан сказал, что отправится на прогулку по горам», — говорит Грэм. Честно, я не могу себе представить, чтобы он или его друг-ирландец добрались хотя бы до конца подъездной дорожки к дому, не говоря уже о том, чтобы лезть на гору. Я вынимаю фляжку и предлагаю её МакТавишу.

Грэм. Нет, я не могу. Я не должен. (Пауза.) Ох, ну ладно, давай.

Он отхлёбывает щедрый глоток, и мы вспоминаем о том, как однажды ночью Дункан Лакруа упал на стеклянный столик в доме Грэма.

Мы снимали первый сезон «Чужестранки» в 2014-м, когда «леди МакТавиш» вызвал нас из Глазго в Эдинбург. Это было воскресенье накануне дня читки сценариев, и он организовал дегустацию виски в онлайн-формате, чтобы фанаты смогли принять участие через соцсети и буквально напиться вместе с актёрами.

Грэм отправил мне письмо по электронной почте:

Кому: *Сэму Хьюэну*

Привет, дружище!

Сходил в магазин за пятью бутылками Спейсайд.

Рекомендации:

Mortlach (21 г выдержки)

Ben Riach (15 лет)

Ben Rinnes (15 лет)

Glenfarclas 105

Craigellachie (18 лет)

¹ Он был там ведущим — Гранд-маршалом. — *Прим. пер.*

Я куплю Mortlach и Craigellachie. Попросил Мэрил¹ купить Ben Rinnes — а ты, быть может, захватишь Glenfarclas? Я попрошу Лакруа купить остальное. Или давай я возьму все, а вы тут уже на месте разберётесь?

Увидимся в ресторане завтра в 7 вечера.

Г.

СЭМ

Большинство из нас работало каждый день, по 12 дней в две недели. Мы были усталые, но счастливые, только что завершив съёмки очередного блока серий (по 2 серии снимаются вместе). А на следующее утро мы начинали съёмки следующей пары серий — с совершенно новыми режиссёром и оператором. Забывшись в несколько чёрных кэбов в Глазго, актёры и продюсеры прибыли в выбранный Грэмом ресторан: японский суши-бар. Мы охотно включились в застолье, где японское пиво сменялось саке. Дункан возглавлял наше продвижение, и к тому моменту, когда мы вернулись в Грэмов дворец, все уже были хорошо под градусом.

Его Величество обитал в огромной квартире в Эдинбурге прямо рядом с замком (хотя, конечно, они не знали, что он тут — судя по тому, что на стенах с бойницами не видно было вывешенных флагов). Осторожно неся Glenfarclas 105, этого огнедышащего дракона среди бутылок, мощного, словно удар ногой в лицо от шотландского воина, мы позвонили в дверь монаршей резиденции. Всё начиналось в весьма непринуждённой дружеской обстановке, но к пятому или шестому бокалу мы изрядно набрались. Помню, как ближе к концу оказался вверх тормашками — ногами к узорчатым стенам дворца, уставившись в потолок... Тобайяс щипал чьи-то соски... может, мои? [Грэм. *Определённо твои!*²] Дункан и Катрина валялись кучкой на диване.

¹ Мэрил Дэвис — исполнительный продюсер сериала «Чужестранка». — *Прим. пер.*

² Судя по фото, которые выложил тогда Мэтт Робертс (продюсер сериала «Чужестранка»), определённо — Грэма. — *Прим. пер.*

Запись в дневнике Грэма:

«Чудесная встреча с Тобайясом, Сэмом, Катриной, Грантом, Дунканом, Мэрил и Мэттом. Милый вечер. Грант, я и Дункан завершили посиделки к трём часам ночи (даже не помню, что Грант там вообще был!). Дункан свалился на мой стол, сбивая стаканы и тарелки.

Пришлось мне отнести его в кровать».

ГРЭМ

Я виню во всём саке. Мы пили этот напиток словно воду. Особого упоминания заслуживает просто невероятная способность Катрины к попойке. К тому времени, как мы добрались до моей квартиры, мои дети уже спали, а супруга (на тот момент) присоединилась к нам ненадолго, перед тем как мудро ушла спать. Мы пытались вести на камеру ясные рассуждения (безуспешно) о различных оттенках вкуса виски. Мэтт Робертс доблестно старался постить записи в соцсетях о том, что мы делаем. Но вообще он мог просто написать «Напиваемся в хлам. #Надрались. #Алкаши. #ОтказалиПочки. #ЯНеМогуГоворитьСвязноУМеняГубыОнемели».

Я был несколько шокирован, когда увидел, что к концу ночи только в двух из пяти бутылок оставалось хоть что-то. Думаю, одну прихватил Сэм, оставив другие. О тех позаботился Дункан. После того, как он упал прямо на мой стеклянный кофейный столик (и, кажется, подрался со звукооператором?), я отнёс его в кровать. Кое-как стянул с него башмаки и оставил. Храпел он, словно козёл.

Я завёл будильник.

Четыре часа спустя я разбудил Дункана. Снаружи уже ждала машина, готовая везти его на съёмочную площадку. Водитель думал, что это шутка, пока Дункан, пошатываясь, брёл к автомобилю. Но он не шутил. Я же вернулся к своей мягкой постели королевских размеров и наслаждался выходным. Я аккуратно организовал вечер так, чтобы он совпал с моим свободным временем.

СЭМ

На следующее утро я обнаружил, что пристёгнут к сиденью, и нас везёт на работу водитель Катрины. Сама она была на заднем сиденье вверх тормашка-

ми, её ноги неестественно торчали вверх. Она спала и оставалась мертвецки пьяной, когда мы добрались до студии на читку сценария. Я жадно глотал воду и не мог смотреть прямо, слушая её хихиканье, доносившееся с заднего сиденья. Мы ввалились в студию и отыскали наши места.

Я не был уверен в том, сможет ли Катрина разговаривать. Она таранилась по сторонам, а голова её начала падать вперёд. Пока зачитывали указания по оформлению сцены, я слегка подтолкнул её локтем. Быть может, потому что я пытался присматривать за ней, собственное похмелье я ощущал не так уж и сильно. Но я весь взмок и цеплялся за каждое слово в сценарии, надеясь, что у них появится хоть какой-то смысл. Построение предложений и следование сюжету было за пределами моих возможностей... Мы определённо по-прежнему были жутко пьяны.

Грант — обычно весельчак и мастер каламбуров в сериале Руперт — был бледен и тих, охваченный паникой и готовый выйти. Брови Дункана, сидевшего слева от меня, казались ещё более тёмными и нахмуренными, чем я когда-либо видел ранее, и он что-то рычал и после будто выплёвывал свои реплики. «*Это что, гэльский?*» — подумалось мне. Я не мог разобрать ни единого слова. Быть может, он вообще выдумывал на ходу.

За несколько минут до того он вошёл в офис главного продюсера Дэвида Брауна и швырнул в него книгой «Стрекоза в янтаре», воскликнув: «Полагаю, вы ожидаете, что я стану это читать!» Могу заверить, что режиссёр и продюсеры были сердиты и начинали подозревать, что мы явно не в лучшей форме. Ох, или это всё моя паранойя? Или они правда смотрели прямо на меня?! А что, если у меня слюни потекут или меня вовсе стошнит на Катрину?..

И кого во всём этом винить?

Одного человека. Нет, короля. Того единственного участника актёрского состава, кто был в этот день не занят, уютно высыпаясь от похмелья, завернувшись в своей кровати королевских размеров и в восторге храпящего в Эдинбурге.

* * *

Грэм. О, гляди-ка, мы останавливаемся. Что, опять пить?
Сэм. Давай, слабак!

Я отыскал укромное местечко посреди вересковых пустошей неподалёку от притока реки Ко в качестве локации для нашей беседы о незаконном производстве виски и винокурнях. Я знал кое-что об этом, поскольку мой персонаж, Джейми Фрейзер, занимается импортом вина во втором сезоне и производит собственный виски в пятом.

Мой верный седовласый товарищ вышагивает по моим пятам, словно косолапая альпака, пока мы спускаемся по узкой тропинке к берегу. Ричард тоже идёт за нами, неся чудесный медный самогонный аппарат, который я нашёл в Интернете и собрал сам, не глядя ни на какие инструкции. Мой гордый малыш, пусть даже и слегка колченогий, просто красавец, ярко сияющий медью. Весь остаток нашего эпического шотландского квеста этот аппарат занимал почётную позицию: мы водрузили его в туалете нашего фургончика — это оказалось самое безопасное для него место в поездке по извилистым шотландским дорогам.

А что, если мы станем перегонять виски прямо в фургоне? Я представил себе, как мы петляем по Нагорью в нашем испытанном доме на колёсах, добывая настоящий дорожный виски. Совершенно нелегальный. Мне стало любопытно, что сказала бы на этот счёт полиция, и я немедленно переменяю своё мнение об этой идее.

Грэм, по-прежнему пребывающий в похмельном забвении, думает, что это просто превосходная мысль. «Это будет шотландская версия "Во все тяжкие". На задворках производим, у парадного входа продаём!»

Наконец к нам приезжают остальные участники съёмочной команды, сбросившие с хвоста ненасытных фанатов — Глен и Далилу. Ричард устанавливает переносной самогонный аппарат и посвящает нас в детали процесса производства нелегального виски. Как только в 1644 г. в Шотландии были введены первые налоги на виски, подпольное производство и продажа этого напитка стали совершенно обыденным явлением почти на два столетия. «Мы тут в весьма отдалённом местечке, скрытые

от пытливых глаз, и поблизости есть проточная чистая вода, — сообщает он заговорщическим тоном. — Контрабандисты были очень изворотливы, ведь незаконный виски перегоняли повсюду. Они играли в кошки-мышки с акцизниками, или как их ещё называли, "приёмщиками" (собираателями налогов и податей). Некоторые устанавливали целую сеть труб, ведущих от расположенной в лесах винокурни к близлежащей ферме или деревушке, чтобы дым шёл из населённого места, и никто не понял бы, что происходит на самом деле».

Они создавали собственные переносные перегонные аппараты, которые можно было разобрать в считанные минуты, и изобрели множество хитроумных способов прятать виски от акцизников, держа его в пещерах, гробах или даже в укромных уголках в церкви — с помощью духовенства. Кланы и якобиты объединились вокруг подпольщиков и контрабандистов, превратив их в героев «свободной торговли».

ГРЭМ

Это забавно, потому что самый любимый поэт Шотландии — Роберт («Рэбби») Бёрнс (1759–1796) в последние годы своей жизни, чтобы оплатить счета, работал как раз сборщиком податей. Бёрнс отмечал, что «шотландцы рассматривают налоги как нечто совершенно деспотичное и дискриминационное, а противостояние им — наоборот, как высшее проявление патриотизма». И, полагаю, налоги были особенно противны потому, что — пусть и не напрямую — организованы они были англичанами. Акт об Унии 1707 г. провозгласил сборы на некоторые товары в семь раз выше аналогичных в Англии, и этот своеобразный шотландский НДС оставался столь же высоким на протяжении всего XVIII столетия, чтобы наполнить государственную казну для стычек с французами.

В 1786 г. Бёрнс написал стихотворение «Крик души и мольба автора» (The Author's Earnest Cry and Prayer), куда он включил бессмертную строку: «Свобода и виски шагают рядом» (*Freedom an' whisky gang thegither!*), которая была использована в «Чужестранке» в качестве названия пятой серии третьего сезона. Адресованное досто-

почтенным гражданам и почтенным шотландским представителям палаты общин, это стихотворение на самом деле представляет собой просьбу о снижении налогов.

Хотя его занятие ему было и не по душе, по-видимому, он весьма в нём преуспел, так как в 1792 г. его повысили до сотрудника портового отделения в Дамфрисе. И, как объясняет нам Ричард, Бёрнс должен был быть очень и очень занят на такой работе. «До выхода Акта об акцизах в 1823 г., который вполнину уменьшил налог на виски, в Шотландии, согласно записям, было изъято более 14 тысяч нелегальных перегонных аппаратов».

Да это же по одному на каждого горца!

И, конечно, все пили виски. Очевидно, даже король Георг IV запросил порцию нелегального тогда виски Glenlivet во время своего официального визита в Шотландию в 1822 г.

СЭМ

Я вырос неподалёку от города, где жил Рэбби Бёрнс в Дамфрисе, и там был Центр имени Бёрнса (артхаусный кинотеатр, а не больница!), куда я впервые пошёл в кино. «Тёрнер и Хуч» с Томом Хэнксом — вот первый нормальный фильм, который я помню. А дома в местном кинотеатре в замке Дуглас был расколотый экран, и посреди показа там делали вынужденный перерыв, во время которого продавалось подтаявшее мороженое и кофейные сладости. И что-то я не припомню ни единого фильма с участием МакТавиша! [*Сэм. Ладно, довольно говорить о намерениях, пора уже сражаться...*] [*Грэм. Мне нужно прилечь*] [*Сэм. Ну, это можно устроить.*]

СЭМ

Мы были на пляже в Фермонт Мирамар, Санта-Моника, на Ночи Бёрнса 2020, организованной ВАФТА Лос-Анджелес. Мы попросили моего хорошего друга Тима Робинсона из Твист Лондон, гениального, удостоенного наград миксологиста¹, создать коктейли с виски Sassenach. И он создал этих трех красавиц:

¹ Мастер по составлению коктейлей. — *Прим. пер.*

Сассенах хайбол (Sassenach highball)

60 мл виски Sassenach.

60 мл чая с лимонной вербеной (заваренного по вкусу).

7,5 мл мёда.

Добавьте примерно 80 мл тоника Fever Tree elderflower (или аналогичного).

Капельку лимонного биттера.

Украсьте спиралью лимонной кожуры.

подавайте с одним кубиком льда в бокале для хайбола.

Рэбби (Rabbie)

50 мл виски Sassenach.

10 мл хереса Tio Pepe.

15 мл сладкого вермута (Cocchi Torino или аналогичного).

10 мл вишнёвого ликера Sangue Morlacco (или Heering, если того нет в наличии).

Побрызгайте мескалем (пользуйтесь распылителем осторожно, чтобы получилось немного поверх напитка).

Украсьте вишнёвым сиропом Maraschino от Luxardo.

Смешайте и подавайте в бокале Nick and Nora или coupe (невысокие бокалы для шампанского, похожие на креманки. — Прим. пер.).

**Старомодный Sassenach
(Sassenach Old Fashioned)**

50 мл виски Sassenach.

1 кубик (чайная ложка) сахара /подсластитель, который предпочитаете.

4 капельки биттера Angostura.

1 долька апельсина.

Украсьте цедрой апельсина.

подавайте с одним кубиком льда в бокале для хайбола.

**Топ-10 советов от Дункана Лакруа
(кажется, всё же 11), как провести ночь вне дома,
чтобы она стала легендарной**

1. Прежде чем выходить из дома, наполните желудок буханкой хлеба и пинтой цельного молока (и никакой там «лёгкой» ерунды).
2. Примите витамин В12. Бог знает почему.
3. Набейте ваши карманы чем-нибудь таким, что заставит отшатнуться даже Блэк Джека, если вдруг вам «повезёт».
4. Выпейте два стакана любого алкогольного напитка непосредственно перед тем, как закрыть дверь своей квартиры.
5. Найдите себе друга, ещё более безумного, чем вы, например, ирландца.
6. Приходите в бар пораньше. Закажите по две пинты и чейзеры¹.
7. Погрузите «глубинную бомбу»² в пинту друга, потом всё равно выпейте это сами.
8. Обязательно помочитесь за окном ресторана, в котором ваш режиссёр наслаждается ужином со своей супругой.
9. Вломитесь в свою собственную квартиру, потому что забыли ключи.
10. Начните ссору с человеком, которого вы пригласили к себе домой, чтобы выпить «ещё вина».
11. Угрожайте казнить своего босса.

¹ Небольшое количество крепкого спиртного напитка, которое выпивается с пивом. — *Прим. пер.*

² Рюмка водки опускается в стакан с пивом или просто водка добавляется в пиво — получается «ёрш». — *Прим. пер.*

ГЛАВА 3

Земля, что меня породила

Высоко в туманном нагорье,
На фиолетовых островах,
Под шотландским небом
Бьются храбрые сердца

*Роберт Уилсон. «Шотландия храбрая»
(Перевод Н. Гамовой)*

СЭМ

Вернувшись в Шотландию на съёмки «Чужестранки», прожив перед этим 12 лет в Лондоне, я осознал, что это возможность действительно узнать побольше о моём наследии и о стране, в которой я родился. По Нагорью и островам я уже путешествовал несколькими годами ранее, работая в шотландском театре, и мне очень понравился язык и рассказы о прошлом. Но всё же я знал очень мало о своём собственном наследии. Когда мы снимали «Чужестранку», то каждую неделю оказывались в новой удивительной местности — на развалинах замка или в старинном доме, долине или сосновом лесу. По выходным я отправлялся побродить

по окрестным холмам, обследуя вершины, гулял пешком или ездил на велосипеде. И я действительно начал заново влюбляться в эту землю и её историю. Я работал над продюсированием и созданием собственного телешоу и в других фильмах, когда мы с Грэмом обсуждали идею «Людей в килтах» за чашечкой латте в Лос-Анджелесе. Это заставило меня поразмыслить, и вот, спустя немало работы, несколькими месяцами позднее я подобрал команду, камеры, беспилотники, отели, гостей, костюмы, выбрал локации, отыскал нелепые игрушки и даже сумел уговорить бородатого запрыгнуть в самолёт у себя в Новой Зеландии. Не спрашивайте, как мне удалось подбить его на поездку в автофургончике со мной за рулём.

Так что, пока Грэм попивает свой экстренно необходимый латте-для-леди на обочине дороги в Гленко, чтобы восстановить сахар и кофеин в крови до «безопасного» уровня, я хотел бы отправиться к самым истокам Шотландии, которая берёт своё начало с ледников, пробивавших свой путь сквозь Великобританию. Шотландия оставалась весьма негостеприимной приблизительно до 9600 г. до н.э., когда ледник растаял... Окей, так и быть, нам необязательно возвращаться так далеко назад! Но чуточку истории нам узнать не повредит — раз уж мы отправляемся в путешествие и хотим познакомиться с теми людьми, что известны как горцы, — и потому давайте начнём со вторжения римлян в I веке н.э. Когда они достигли современных границ Британии, то повстречались с местными — внушающими страх пиктами и гэлами (которых захватчики называли «scoti»). Римляне были весьма невысокого мнения об этих варварах, так что они соорудили протяжённую каменную стену — стену Адриана — в 122 г. н.э., чтобы держать всяких дикарей подальше от своих дизайнерских тог и солнечных очочков от Гуччи. Пикты и скотты за стеной были весьма невысокого мнения об этих римлянах с их прилизанными волосами, пастой и всяческими новомодными штучками, и древние племена вовсе не собирались отдавать свои земли без боя, равно как и становиться римскими рабами или налогоплательщиками, так что они надрали задницы итальянцам. Случилось немало битв и налётов, прежде чем римляне, досыта хлебнувшие с этими чумовыми «каледонцами», оттеснили

возмутителей спокойствия аж за центральный пояс Шотландии, между заливами Фёрт-оф-Форт и Фёрт-оф-Клайд, и возвели ещё одну стену — Антонина — в 142 г. н.э.

Грэм. Недурно, весьма недурно. Ты что, в библиотеку сходил?

Сэм. Не, это я узнал в основном из комиксов про Астерикса — ну, от мистера Виталстатистика.

Грэм. Хорошо.

ГРЭМ

Думаю, это же совершенно невероятно — представьте, ведь Римская империя, успешно покорившая себе всех вдоль и поперёк Европы, никогда не могла овладеть Каледонией (так они называли Шотландию). Скотты посмеялись над грудой камней, наваленной Адрианом, и занимались приграничными набегами с целью похищения скота и прочим всяческим насилием до самого конца правления римлян (383–410 гг. н.э.), когда те наконец-то убрались во свояси, потрёпанные и разорившиеся. Тогда гэлы заняли Западную Шотландию и Уэльс, провозгласив там королевство Дал Риата (Dál Riata), а многочисленные правители пиктов держали в подчинении остальную часть страны.

В VI веке н.э. в Шотландию были отправлены миссионеры из Ирландии и Рима (Августин — в 596 г. н.э.), и пикты перешли в христианство (и шинти). Междоусобицы пиктов и сохранявших язычество гэлов усилились, и произошло немало стычек, но обе стороны в итоге объединились в IX веке против общего врага — викингов, которые устраивали набеги на Шотландию в период между VIII и XV столетиями. Викинги были ребятами, кто тоже не прочь устроить заварушку, так что они оставили после себя заметный след в шотландской культуре.

СЭМ

Включая меня. [*Грэм.* Не думаю, что насилие над местной барышней-крестьянкой после сожжения её деревни дотла можно засчитать как «след в культуре».] Очевидно, когда там жила вдовушка по фамилии Хьюэн, которой по душе пришёлся налётчик-викинг, потому что я с гордостью могу сообщить, что во мне 3,7% норвежских кро-

вей — недостаточно, конечно, чтобы считать ту страну своим домом, но природа и ландшафты обоих моих народов определённо несут много сходства. Только взгляните на Грейт-глен и Лох-Несс и фиорды Скандинавии — и вы сами это увидите. Да и само слово «фёрт»¹ происходит от норвежского «фиорд» — *ffjord* — что означает эстуарий². А многие кланы носят имена своих предков: MacIvor (сын Ивора — Ivor), MacAulay (сын Олафа — Olaf), MacAskill (сын Асгейра — Asgeir). Меня всегда восхищало, что многие широкоупотребимые шотландские слова имеют норвежские корни, такие как *greet* (что означает — плакать, *cry*), *een* (глаз — *eye*), *keek* (смотреть — *look*), и, наверное, самое-самое шотландское — килт, восходящее к древнему норвежскому слову *kilt*, означающее «подворачивать, подбирать под себя, делая складки».

В детстве я был совершенно одержим викингами. В ближайшем к нам городке Киркудбрайтшир проводились археологические раскопки поселения викингов, и я помню, как мне однажды позволили аккуратно очищать кистью найденные там кости. И, хотя я не отыскал там древних сокровищ или волшебного оружия, мне попались кусочки костей, бывшие, по заверению терпеливого археолога, ужином обезглавленного воина-викинга.

ГРЭМ

Во времена, когда викинги совершали свои набеги, Кеннет МакАльпин, первый правитель Шотландии, объединил в 843 г. н.э. все эти земли в единое государство. В это же время начали формироваться и кланы горцев (хотя большинство их нельзя было уверенно выделить вплоть до XII или XIII века). Жизнь кланов раннего периода берёт своё начало в обычаях друидов и кельтов, а кельтское слово *clann* означает «дети». Поскольку всё строилось вокруг родства (уз крови), отождествления себя как части общины и принадлежности к ней, вы оче-

¹ Для заливов Шотландии. — *Прим. пер.*

² Узкий и длинный залив в устье реки — в России такие на Севере, например, у рек Мезень, Сев. Двина и др., где обычно называются народным словом «губа». — *Прим. пер.*